

СОЦИОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ОБМЕН КОГНИТИВНЫМ ОПЫТОМ¹

Людмила Александровна Микешина – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета.
E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

В статье рассматривается современная социология, опыт которой обогащает социальную эпистемологию и философию науки. Трудной для понимания является проблема универсальной, общей теории, возникшая еще в эпоху Просвещения. Рассматривается возможность всеобщей теории и методологическая роль в ее создании теорий среднего уровня – подход, предложенный американским социологом Р. Мертоном. Критически оценивается методологическая структура теории марксизма, традиционно принимаемого как всеобщая теория. Другой аспект развития социологической методологии – это идеи Дж. Ритцера об интегрированной социологической парадигме, а также о полипарадигмальности в социологии. Этот подход применяется для анализа «степеней общности» социологических теорий. Рассматривается также исследование Дж.Р. Сёрля о природе факта в социальных науках, где факт может получить статус объективности на основании соглашения между членами общества. В целом делается вывод о многообразии и важности философско-методологических и эпистемологических проблем в когнитивном опыте современной социологии.

Ключевые слова: социология, всеобщая теория, теории среднего уровня, полипарадигмальность, факт, Р. Мертон, Дж. Ритцер, эпистемология.

SOCIOLOGY AND EPISTEMOLOGY: EXCHANGING COGNITIVE EXPERIENCE

Lyudmila Mikeshina – doctor of philosophical sciences, professor of the department of philosophy of the Moscow Pedagogical State University.



The paper examines modern sociology the experience of which enriches social epistemology and philosophy of science. The problem of a universal, general theory is very hard to deal with, though it had emerged as early as in the epoch of Enlightenment. The paper discusses whether a general theory is possible and a methodological role played in its creation by “middle range theories”, that is the approach proposed by American sociologist R. Merton. The methodological structure of Marxist theory, traditionally seen as “the general theory”, is under critical scrutiny. Another aspect of sociological methodology development is G. Ritzer’s ideas of “an integrated sociological paradigm” and also of “a multiply paradigm science”. This approach is used to analyze “a degree of generality” of sociological theories. J.R. Searle’s interpretation of the nature of facts in social sciences, where facts may get an objective status because of an agreement between members of society, is also discussed. On the whole, the paper comes to the conclusion that philosophical and methodological problems in the cognitive experience of modern sociology are diverse and important.

Key words: sociology, general theory, middle range theories, multiply paradigm science, fact, R. Merton, G. Ritzer, J. Searle, epistemology.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00587.



Развитие современной эпистемологии идет при непосредственном обращении к опыту конкретных наук. В конце XX – начале XXI в. продолжается интенсивное философско-методологическое изучение не только естественных, но и социально-гуманитарных наук в их истории и современности. Развитие социальной эпистемологии предполагает анализ опыта всего корпуса социальных наук, накопленный в XX – начале XXI в. Очевидно, что в первую очередь это должно быть эпистемологическое изучение богатого опыта социологии. Сложный и неоднозначный путь развития социологии при эпистемологическом осмыслении не только «оживляет» и обогащает многие традиционные проблемы философии познания, но обнаруживает их трансформации и новые идеи в наше время. Среди них: проблемы субъекта, объекта, методов и природы факта, а также теорий среднего уровня на пути к всеобщей социологической теории и полипарадигмальность, «расцветающая» в современных науках, особенно в социологии, и пришедшая уже в учебники. Одной из наиболее значимых становится проблема возможности и обязательности для полноценной науки существования/несуществования *общей, главной, универсальной теории* в связи с появлением множества значимых частных теорий и парадигм. В классическом научном знании необходимой нормой и главной целью считались создание, разработка всеобщей теории, объясняющей базовый эмпирический материал и частные следствия из него. Так виделась сама структура и задача науки, ее статуса. Если нет общей, главной, универсальной теории, в таком случае, может быть, это специализированное знание еще не имеет статуса науки, а скорее «недонаука» или «псевдонаука»? Особенно остро эта проблема представлена в социально-гуманитарном научном знании.

Известный историк и философ науки И. Элкана, в свое время один из президентов и ректоров Центрально-Европейского университета в Будапеште (CEU), в контексте своей концепции антропологии знания в статье о переосмыслении Просвещения обращался к проблеме возможности универсальной теории человека и общества [Elkana, эл. ресурс]. Задаваясь вопросом, в чем особенность современной науки, и стремясь переосмыслить идеалы эпохи Просвещения, он совершенно определенно объяснял, почему современная наука должна освободиться от веры в преимущества универсальных теорий при отрицании «контекстно-зависимых частных теорий» или от веры в «просвещенный фундаментализм» (термин Э. Геллнера), в набор ценностей которого входят универсализм, рационализм, объективность, независимость от оценок и контекста, обязательная «экспериментальная и математическая методология», отказ от политических суждений и др. Сегодня, как считал Элкана, все еще господствуют идущие от Просвещения идеалы и поиски универсальных теорий, общие идеологические заявления о человеке, обществе и природе и нам не-



обходимо «найти новые способы самовыражения», у нас, как оказалось, осталось немного понятийных средств для этого. По-видимому, он прав, сегодня явно выражена тенденция «поглощения» формализованным и рациональным знанием социально-гуманитарного знания и его приемов, а также сведение к минимуму в сфере образования «личностного общения», замена его «техническими» приемами и правилами. Идущие от Просвещения и набирающие силу, например, «поиски универсальных теорий о человеке, обществе и природе» должны быть, по Элкане, отброшены. Так, для *когнитивной психологии* необходимо полученные истины и выводы сознательно рассматривать как временные и условные, зависящие от контекста; в случае *экономической теории* законы рынка нельзя рассматривать как одинаковые для любого общества, принимая и экстраполируя классическую универсальную теорию, затем искать ее соприкосновения с реальностью.

Но надо ли сегодня исполнять «мечту эпохи Просвещения о теории всего», например полной «идеи человека» и социальной теории общества – его истории, эволюции, структуры? Стоит ли нам исходить из единой *редукционистской* теории, упрощая все до «простых» фундаментальных законов? Возможно, больше не нужна погоня «за единым конечным универсальным набором законов», стоит принять «частные» теории, научиться жить с противоречиями и отказаться от упрощенного понятия «природы как таковой». Очевидно, что эти соображения Элканы значимы и требуют осмысления, однако они очень общи, тогда как в конкретных областях знания, имеющих свой эпистемологический и методологический опыт, эта проблема обсуждается давно и в достаточно убедительных формах соотношения общей теории и конкретных концепций или парадигм. Как мне представляется, среди социально-гуманитарных наук наиболее полно это представлено сегодня в социологии, опыт которой начинает все больше привлекать внимание философов науки и эпистемологов.

Р. Мертон: проблема универсальной (общей) теории и теорий среднего уровня в социологии. К середине XX в. для социологов стало очевидным, что стремление создать универсальную социологическую теорию в целом постоянно терпит неудачу в этой, одной из наиболее успешно развивающихся областей социально-гуманитарного знания. Уже созданные теории, нашедшие поддержку в своем конкретном качестве, не оправдывали претензий на статус всеобщей, универсальной системы теоретического знания, которая может выполнять свои функции по отношению к любому эмпирическому знанию в сфере социологии. Обращусь к известным, ставшим классическими идеям Р.К. Мертоня – одного из крупнейших американских социологов XX в., признанного в нашей стране социолога науки, «нормативиста», создававшего этос науки [Мирская, 2008; Мотроши-



лова, 2012; Порус, 2012]². Но вместе с тем он был и одним из ведущих методологов социологии XX в., что изучено и принимается во внимание у нас явно недостаточно.

Еще в годы своего становления как социолога он осуществил исследование «технологии и общества» в Англии XVII в. – социально-исторической обусловленности науки этого периода в целом. Возможно, Мертона привлекла дискуссия, происходившая вокруг доклада Б.М. Гессена о социально-экономических корнях механики Ньютона [Merton, 1938; Гессен, 1933], и он обосновал, в частности, подход более корректный и не столь прямолинейный, как у Гессена, с выступления которого началось становление экстернализма, который требует переосмысления сегодня. Мертон делает акцент не столько на Ньюtone, сколько на его эпохе и социокультурном контексте в целом, фиксируя и обосновывая тот факт, что в науке XVII в. в Англии происходит смена профессиональных интересов – от гуманитарных к естественным, а также изменение проблематики и целей исследования внутри самих наук. В дальнейшем, полностью обратившись к социологии и ее методологии, именно Мертон рассматривал, причем достаточно критически, возможность построения универсальной социологической теории. Как предварительный подход к этой сложной и противоречивой проблеме он предложил идею теорий среднего уровня, недостаточно оцененную и изученную, как мне представляется, в отечественной социологии и философии науки.

Результаты его многолетних исследований изложены, в частности, в «Социальной теории и социальной структуре» (1949), выдержавшей 30 переизданий и переведенной на 12 языков. Он неоднократно отмечает, что из-за частого употребления слово «теория» может стать бессмысленным и тем более потому, что оно имеет множество различных контекстов и референтных значений – от рабочих гипотез до аксиоматических систем мышления, что существенно затрудняет понимание. Сам Мертон относит термин «социологическая теория» к «логически взаимосвязанным множествам утверждений, из которых можно вывести эмпирические закономерности»; она должна объяснять «все наблюдаемые закономерности социального поведения, социальной организации и социального изменения» [Мертон, 2006: 64]. Однако, полагает он, поиск универсальной социологической теории, которая объясняла бы все результаты наблюдений, заманчив, но бесперспективен. Мертон сравнивает эту ситуацию в социологии с существованием многочисленных всеобъемлющих философских систем, «которые заслуженно преданы забвению». Социология возникла и «развивалась в такой интеллектуальной атмосфере, когда всеохваты-

² Однако методологические исследования Мертона в области социологии у нас традиционно именовались позитивистскими и не рассматривались как базовые в этой области исследования.



вающие философские системы наступали со всех сторон. Любой философ... должен был разработать свою собственную философскую систему. Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель были лишь самыми известными из них. Каждая система была личной заявкой на наиболее полную картину мира материи, природы и человека. Эти попытки философов создать всеохватывающие системы послужили образцом для социологов того времени, и девятнадцатый век стал веком социологических систем»³. Известно, что в последние два века многие ведущие социологи предлагали свои собственные системы, явно или неявно претендующие на роль универсальной общей теории, но фактически это привело лишь к созданию многочисленных «школ», социология стала предельно дифференцированной. Таким образом, социология не столько вырабатывала методологии, позволяющие решать проблемы, сколько стремилась «одним росчерком пера выдавать целостную теорию всего [социологического] мира» по аналогии с философией того времени. Критически осмысливая эту ситуацию, Мертон, как мне представляется, не отрицает полностью такой возможности, однако социологи еще не готовы к этому, «проделано мало подготовительной работы».

Существует и другой путь, когда социологи стремятся к «интеллектуальной легитимности» своей науки, подобно физике, однако при этом не учитывают противоречивые оценки самой физики. Так А. Эйнштейн мечтал «найти для унификации всех отраслей науки теоретическую основу, образованную минимальным числом понятий и фундаментальных соотношений, из которых логическим путем можно было бы вывести все понятия и соотношения отдельных дисциплин» [Эйнштейн, 1967: 229]. И в физике законы и понятия остаются тесно связаны с опытом, существует множество специальных теорий и не решен вопрос о всеобщей теории, несмотря на длительную историю ее развития. Размышляя об этом, Мертон отмечает очень важную особенность самих наук и их развития, которая позволяет говорить, как я его поняла, о разных *типах* научного знания. Дело не только в разной степени развития наук, их *зрелости*, что, разумеется, также значимо, но даже если «и физика и социология одинаково считаются научными дисциплинами в середине XX в., это не означает, что достижения одной должны быть мерилом другой» [Мертон, 2006: 74]. К сожалению, Мертон не обсуждает более основательно проблему наук разного *типа*, но в конечном счете, размышляя о возможности «теории всего» в социологии, уповает только на ее будущую зрелость и не говорит прямо о *принципиальной невозможности иметь всеобщую теорию по крайней мере в этой области научного знания*.

³ «Некоторых отцов-основателей, таких, как Кант и Спенсер, перепопнял *esprit de system* (дух системности), отразившийся в их социологических учениях, как и в других частях их более глобальных философских систем» [Мертон, 2006: 72].



Однако его последующие рассуждения приводят именно к такому выводу. Он предлагает на этапе XX в. новый подход – признать существование и методологическую значимость *теорий среднего уровня*, таких, например, как теории диссонанса, социальной дифференциации или референтных групп, которые имеют достаточно «большую степень обобщения, выходя за пределы конкретной исторической эпохи или культуры». Их важная особенность состоит в том, что они не выведены из «единой и всеобъемлющей теоретической системы», но совместимы с рядом подобных теорий и подтверждаются определенными эмпирическими данными. Так, теория референтных групп сводит вместе данные из таких разнородных областей, как военная служба, расовые и этнические отношения, правонарушения, политика, образование и революционная деятельность [Мертон, 2006: 276–280].

Критика этой концепции Мертона, как он объяснял сам, чаще всего основана на непонимании важности строгого разграничения теории как системы «логически взаимосвязанных предположений, из которых выводятся эмпирически проверяемые гипотезы» и эмпирическое обобщение, «подводящее итог наблюдаемым закономерностям отношений между двумя или более переменными». Как отмечает он сам, среди множества критических выступлений были и высказывания советских социологов, толковавших «теории среднего уровня» как позитивистскую концепцию на относительно низком уровне абстракции, принципиально не выходящую за рамки эмпирических данных. Он был убежден в том, что «это неправильное представление о теории среднего уровня», основанное на непонимании типов обобщений и самой идеи, что, возможно, объясняется, по Мертону, «приверженностью авторов к всеобъемлющей социологической теории», т.е. марксизму. Но «поскольку общая теоретическая ориентация, заданная марксизмом, становится руководством для систематического эмпирического исследования, она должна добиваться этого, разрабатывая промежуточные специальные теории» [Мертон, 2006: 98]. Таким образом, поясняя свою мысль и отвечая на возражения Г. Осипова и М. Иовчука, он высказывает важные соображения логико-методологического характера, не учитываемые нами, по-видимому, и сегодня. Известные советские авторы настаивали на том, что материалистическое понимание истории Марксом, основанное на значительном эмпирическом материале, несомненно, является всеобщей социологической теорией, которая не нуждается в теориях среднего уровня.

Мне представляется, что эта точка зрения широко представлена у нас и сейчас. И мы – философы, методологи и эпистемологи – не услышали критические соображения Мертона, имеющие не идеологический, а методологический характер. Он убежден, что в марксизме перед нами «практический эмпиризм», а не всеобщая социологическая теория. «Это изучение специфических социальных проблем –



“конкретное социологическое исследование”, как его называли советские социологи, не вытекает логически из общей теоретической ориентации исторического материализма. И когда еще не были разработаны промежуточные теории, эти исследования тяготели к “практическому эмпиризму”: методическому сбору информации лишь в той мере, в какой она необходима для принятия практических решений... Полученные сведения... надо включить в более абстрактные теории среднего уровня, если мы хотим ликвидировать разрыв между общей ориентацией марксизма и эмпирическими обобщениями» [Мертон, 2006: 99]⁴. Как я понимаю логико-методологическую суть этой дискуссии о марксизме, признается невозможность построения универсальной социологической теории как индуктивного обобщения эмпирического материала. И тогда на первый план выходит проблема применения дедукции – логического построения общей социологической теории. Возможно ли это? До сих пор, как я понимаю, не удалось. Вот почему необходимы, по-видимому, теории среднего уровня (ТСУ), если судить по опыту развития социологии и ее теорий в XX в.

Предлагая развитие ТСУ как необходимый этап на пути построения универсальной теории, Мертон аргументирует это следующими особенностями ТСУ. Они состоят из ограниченного множества утверждений, из которых логически выводятся и подтверждаются экспериментальным исследованием конкретные гипотезы, объединяющиеся в более широкие теоретические системы. ТСУ достаточно абстрактны, чтобы иметь дело с разными сферами социального поведения и социальной структуры, выходят за пределы простого эмпирического обобщения, как в случае теории социального конфликта, применявшейся, например, к этническому, классовому и международному конфликтам; они выходят за рамки различий между микро-социологическими проблемами, что видно из исследования малых групп, и макросоциологическими проблемами, а также из сравнительного изучения социальной мобильности, официальных организаций и взаимозависимости социальных институтов. Одновременно ТСУ продолжают классические традиции, которые показывают примеры теоретического рассуждения, учат ставить вопросы, вытекающие из этих теорий (Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.). Мертон убежден, что «всеобщие социологические теоретические системы – такие, как теория исторического материализма Маркса, теория социальных систем Парсонса и интегративная социология Сорокина, – представляют собой скорее теоретические ориентации, чем строгие и упорядоченные системы» [Мертон, 2006: 99–100]. Именно «установка на сред-

⁴ Имеется в виду работа Г. Осипова и М. Иовчука о некоторых принципах теории, проблемах и методах исследования.



ний уровень позволяет точно определить сферу непознанного», обеспечивает поворот к тем проблемам, которые уже сейчас можно уточнить в свете имеющихся знаний. Однако это не означает, что ТСУ способны осуществить теоретические решения всех неотложных практических проблем.

Таким образом, предложив ТСУ как определенную методологически обоснованную «установку на средний уровень» на пути к универсальной теории, Мертон осознает их пределы, но и их познавательные возможности. Как мне представляется, это в полной мере еще не оцененный, но в целом эпистемологически значимый шаг в развитии теоретического знания социальных наук. В конечном счете Мертон, размышляя об универсальной теории, предполагал, что если принципиально невозможно непосредственно построить социологическую теорию с помощью дедуктивной логики и «в социологии еще очень мало формул», то это будет длительный процесс в развитии социологии (сравнимый с многовековым развитием естественных наук), в результате чего будет разработан понятийный аппарат, выявлены возможности применения формализации, «построения формул» и математизации (прежде всего статистические методы) как основы такой теории.

Как близкую проблему Мертон рассматривает и *парадигмы* в качестве «кодификации социологической теории», под которой он понимает «упорядоченную и сжатую классификацию плодотворных процедур исследования и существенных открытий, сделанных благодаря их применению» [Мертон, 2006: 99–100]. При этом происходит скорее выявление и идентификация того, что имплицитно содержалось в работах прошлого, чем выдвижение «новых стратегий исследования». Именно в этом случае возникает вопрос о парадигме, имеющей «огромную пропедевтическую ценность» в качестве основы для кодификации предыдущей работы. Мертон, как мне представляется, все же не может расстаться с идеалом естественных наук и сожалеет о том, что среди различных логических приемов в социологии еще очень мало формул, социологические интерпретации часто «грешат отсутствием логики». Он предлагает целый ряд парадигм для исследования социологии знания, девиантного социального поведения, расовых предрассудков, дискриминации и др. При этом подчеркивается, что понимание этих парадигм «гораздо более узкое», чем у Т. Куна, т.е. присутствует лишь сама идея парадигмального подхода.

Мертон выделил пять функций парадигм: они вводят систему условных обозначений; дают классификацию понятий; уменьшают вероятность введения скрытых допущений и понятий, а также «гипотез ad hoc (т.е. логически безответственных)»; «способствуют накоплению теоретических интерпретаций», «это фундамент, на котором построен дом интерпретаций»; наконец, парадигмы обладают эвристи-



ческой функцией, в целом «способствуют кодификации качественного анализа», «интуитивных озарений», «приближают к логической, если не эмпирической строгости количественного». Вместе с тем, как предупреждает Мертон, парадигма «способна вызвать зашоренность» при ее абсолютизации. Но при всей значимости его идей он лишь намечил подходы к изучению парадигм в социологии, что стало предметом деятельности других социологов, в частности Дж. Ритцера.

Дж. Ритцер: феномен полипарадигмальности в социологии.

Материал, на который я опираюсь, рассматривая эту проблему, достаточно разнообразен, но наиболее обстоятельно представлен трудами известного американского социолога Дж. Ритцера, «Современные социологические теории» которого выдержали много изданий на разных языках (на русском 5-е издание, СПб., 2002). Это своего рода антология исследований ученых, размышлявших о влиянии куновских идей парадигмы на социологические учения. Позиция Ритцера – автора принципиальных статей по данной проблеме, создателя энциклопедии и одного из главных учебников по социологии – безусловно, заслуживает внимания. Оценивая возможности и пути создания единой общей теории в социологии, Ритцер предлагает методологию создания «метатеории», которая для него необходимо связана с парадигмальностью. После долгих дискуссий он в конечном счете принял и оценил творческие возможности идеи Куна о парадигме как плодотворные для развития современной социологии в качестве «полипарадигмальной науки» [Ritzer, 1975 10: 156–167], полагая при этом, что «теории – это только часть целых парадигм». Данные идеи он сочетает с используемым им понятием *метатеории*, которое, как мне представляется, ставит проблему общей теории, но не предполагает ее единственности и всеобщности. Именно метатеоретики занимаются систематическим изучением фундаментальной структуры социологической теории, однако «метаанализ» осуществляют не только социологи различных направлений: этот прием представлен в различных науках. Ритцер определяет метасоциологию «как рефлексивное исследование фундаментальной структуры социологии в целом, а также различных ее элементов: независимых сфер исследования» [Ритцер, 2002: 571].

Им вводится понятие *типов метатеоретизирования*: первый тип – это средство более глубокого понимания уже существующей теории; второй тип – исследование существующей теории, для того чтобы создать новую социологическую теорию; третий тип – метатеоретизирование как источник подходов к обобщению всей социологической теории или ее части. Наиболее плодотворен второй тип, т.е. «прелюдии», и большинство значительных классических и современных теоретиков разрабатывали свои теории, по Ритцеру, на основе тщательного изучения творчества других теоретиков и своего



отношения к нему. Наиболее значительные примеры такого подхода: теория капитализма Маркса, разработанная исходя из систематического занятия гегелевской философией, политической экономией и утопическим социализмом; теория действия Парсонса, созданная на основе систематического изучения творчества Дюркгейма, Вебера, Парето; многомерная неофункциональная теория Александера, основанная на изучении Маркса, Вебера, Дюркгейма и Парсонса; и др. «Даже “Капитал”, который, по общему признанию, является одной из наиболее эмпирических работ Маркса, поскольку в ней с помощью использования правительственных отчетов и статистики непосредственно рассматриваются реалии капиталистического труда, определяется как вдохновленный более ранним метатеоретическим творчеством Маркса и сам содержит метатеоретизирование» [Ритцер, 2002: 565]. Его работы, предполагает Ритцер, «были самыми метатеоретическими из всех произведений классических социологических теоретиков». Очевидно, что «описанные три разновидности метатеорий – всего лишь идеальные типы», и чаще всего они переплетаются друг с другом. Существуют социологи, в работах которых представлены все три типа метатеорий.

Как видного современного метатеоретика Ритцер признает П. Бурдьё, который применял рефлексивную социологию, поскольку «социология социологии является фундаментальным измерением социологической эпистемологии»; она «постоянно оборачивает на саму себя те научные средства, которые она создает», а социологи должны «больше внимания уделять объективизации собственных действий» [Бурдьё, 1994: 141–146]. Ритцер особо отмечает, что Бурдьё приводит важный довод в пользу метатеоретизирования: социологам необходимо «избегать быть игрушкой социальных сил в [своем] занятии социологией». Но именно метатеоретизирование – единственный способ избежать влияния «внешне-социальных и внешне-интеллектуальных» сил (по Бурдьё, социальных детерминантов) на творчество социолога. Рефлексивность – ведущий прием социолога, если он хочет понять и предотвратить свое непреднамеренное «искажение объекта».

Ритцер предложил особый метатеоретический инструмент, с помощью которого он сам исследовал и анализировал социологические теории в своих известных работах, – это «интегрированная социологическая парадигма», выступающая источником уровней анализа социологических теорий. Напомню, чем для него является парадигма: «это фундаментальный образ предмета изучения науки». Она определяет этот предмет изучения, а также правила интерпретации результатов. Парадигма – это «наиболее общий блок единодушия в науке», но и отделения одного научного сообщества от другого. «Она классифицирует, определяет и соотносит существующие в ней образцы, тео-



рии, методы и инструменты» [Ritzer, 1975: 156–167]. Если теории – это только часть целых парадигм, то, следовательно, парадигма может включать в себя две или более теорий, а также различные образы предметной области. Рассматривая социологию как полипарадигмальную науку, Ритцер прежде всего выделял три господствующих в социологии образца-парадигмы: *социальных фактов* Дюркгейма, *социального определения* (работы М. Вебера и др.) и *социального поведения* (работы Б.Ф. Скиннера). Однако его не удовлетворяет такой «разрозненный» подход, он стремится к более целостной социологической парадигме и выступает «за *большее* разнообразие через разработку интегрированной парадигмы для дополнения существующих парадигм». Они, как правило, страдают односторонностью, поскольку концентрируются на конкретных уровнях социального анализа и лишь отдельных гипотезах.

Очевидно, что «в реальности социальный мир не разделен на уровни», тем не менее, считает Ритцер, ключом к интегрированной парадигме может служить понятие уровней социального анализа. Это одна из возможных схем микромакро- и объективно-субъективных континуумов и взаимодействий между ними. Предметом внимания становится не конфликт парадигм, но их интеграция, в частности микромакроинтеграции и объединения действия и структуры, что ставит проблему теоретических синтезов. Предложенная модель сформирована из пересечения двух континуумов уровней социальной реальности: *микромакроконтинуума* (от индивидуального взаимодействия через группы, организации к обществам и мировым системам) и *объективно-субъективного* измерения социального анализа, который в полной мере реализовали Гегель, Маркс, Дюркгейм и многие другие и который может быть предельно сложным, если социальные явления существуют исключительно в сфере идей. Итак, «интегрированная социологическая парадигма», предложенная Ритцером, должна принимать во внимание различные уровни социального анализа, «отбросить убеждение в конечной истинности чьей-то излюбленной теории», признать ценности широкого диапазона подходов, а это «интеллектуально непростая задача» [Ritzer, 1975: 593].

Обсуждая применение интегрированной социологической парадигмы, Ритцер отметил, что можно существенно уточнить оценку теоретической деятельности ученого. Например, часто утверждают, что Маркс исследовал только макрообъективные экономические структуры капитализма, но если опереться на схему интегрированной парадигмы, то выясняется, что «Маркс глубоко проник во все уровни социальной реальности и их взаимосвязи». Или: считают, что символический интеракционизм рассматривает микросубъективность и микрообъективность, но в действительности он принимает во внимание и макроуровни социального анализа. Именно своей методологи-



ей интегрированной парадигмы воспользовался Ритцер при построении сложнейшего и предельно полного текста «Современных социологических теорий».

Дискуссии о парадигмах и метатеориях, продолжающиеся уже несколько десятилетий, достигли российских социологов. Само выделение трех парадигм вызвало споры, растет их количество у разных авторов, что показали еще в 1980 г. Д. Эккберг и Л. Хилл, представившие таблицу из 12 групп (по авторам) общим количеством 36 парадигм, включая и классификацию по Ритцеру [Paradigms and revolutions, 1980: 132]. Если существование парадигм не вызывает сомнений, то их классификации по группам представляются довольно произвольными и неубедительными, что подверглось критике в новом веке. В нашей стране понятие парадигмы сегодня широко используется, хотя чаще всего не строго, иногда и с произвольным толкованием, особенно если не в философии познания. Однако оно все более входит в учебники по социологии в случае, если речь идет о *научной* деятельности, имеющей парадигмальный характер. Так, учебник С.А. Кравченко имеет, например, подзаголовок «Парадигмы через призму социологического воображения», где наряду с традиционными методами сбора и обработки фактов (например, Чикагская школа) за основу принимается парадигма, непосредственно связанная с консенсусом внутри того или иного научного сообщества. При этом автор учебника считает необходимым опереться и на известные идеи Ч. Миллса о роли воображения в социологическом исследовании, что существенно меняет образ и обогащает современную методологию социологической науки [Кравченко, 2004: 20–23; Миллс, 2001; Штомпка, 2001].

Существуют и иные подходы при изложении парадигмального характера социологической теории. Так, в учебнике «Социология» (под редакцией Д.В. Иванова) целая глава посвящена парадигмам в социологии. Макросоциологические парадигмы представлены структурным функционализмом, историческим материализмом марксизма, критической теорией общества (неомарксизм). Микросоциологическая парадигма включает теорию социального обмена, теорию рационального выбора, символический интеракционизм, феноменологическую социологию, социальный акционализм. Наконец, специальный параграф посвящен проблеме мультипарадигмальности в социологии, которая раскрывается через рассмотрение интегративных парадигм, а теоретическая социология представлена в двух формах: дискурсивной формации и системы теоретических объектов [Социология, 2005]. Не эпистемологу оценивать концепцию учебника как таковую, но для него очевидно: идет поиск принципов классификации и оценок феномена парадигмы, предлагается модель системати-



зации социологических парадигм, по существу исследуется мультипарадигмальность, ее возможности в функции универсальной теории.

В современной эпистемологии не только не учитывается, например, роль воображения, феномен интеракционизма, феноменологический и другие подходы при разработке теоретического знания в социально-гуманитарных науках, но и не исследуется парадигмальный подход в качестве базового в этих науках. Как известно, методологами и философами науки уже дан сравнительный анализ концепций Т. Куна и К. Поппера в споре о научной рациональности [Порус, 1997], и вопрос сегодня закрыт. Однако не учитывается, что сама идея парадигмы начиная с последней трети XX в. широко пошла в гуманитарно-социальные исследования, причем не только в социологию, но, например, в педагогику, психологию. По-видимому, эпистемологи должны вернуться к этому вопросу, предваряя упрощенное понимание самого феномена парадигмы.

О природе факта в социальных науках. Социальная эпистемология нуждается сегодня также в специальном исследовании природы *факта* в социально-экономическом и культурно-историческом научном знании. В самих науках этого цикла работа, начатая в прошлом Э. Дюркгеймом («Метод социологии», 1895), не всегда продолжается сегодня; при методологическом анализе теории и метода вопрос о природе *социального* факта может и не возникнуть. Эта форма знания не проблематизируется и в социальной эпистемологии, так как все знают, что такое факт, однако, как правило, не различают, например, факт как событие и факт как знание, а также другие когнитивные особенности социального в отличие от естественно-научного факта. Напомню идеи Дюркгейма, посвятившего факту специальную главу в «Метод социологии» и в дальнейшем неоднократно возвращавшегося к этому понятию, трактовка которого вызвала у социологов дискуссию. Прежде всего для него «социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [Дюркгейм, 2006: 39]. Для эпистемологии значимо именно то, что Дюркгейм выделяет *нематериальные* факты, например те или иные представления или верования и проблему их изучения. В конечном счете он полагает необходимым нахождение материальных фактов и событий как причин, предшествующих нематериальным фактам-событиям в сфере индивидуального сознания. Известна длительная дискуссия вокруг положения Дюркгейма о том, что «социальные факты нужно рассматривать как вещи» [Дюркгейм, 2006: 40], особенно среди экзистенциалистов и феноменологов. Это также нашло отражение в работах Ж.П. Сартра, противопоста-



вившего бытие-для-себя бытию-в-себе и определившего как искажение подход к человеческой реальности как к вещам. Не оправдывая эту дискуссию, отечественный социолог А.Б. Гофман утверждает, что приведенный выше тезис Дюркгейма «имеет не столько онтологический, сколько методологический смысл: он доказывает главным образом, что социальные факты необходимо *изучать как вещи*» [Гофман, 2006: 319], т.е. по «правилам наблюдения» вещей.

Таким образом, давняя дискуссия о природе социального факта должна быть осмыслена и в контексте социальной эпистемологии, которая, не сводя социальные феномены к «вещности», должна обосновывать их объективное существование в форме отношения, коммуникации в связи с сознанием (познанием) в той или иной форме или независимо от него.

Как один из возможных вариантов такого осмысления и наблюдения в сфере социальной эпистемологии и методологии науки существует исследование Дж.Р. Сёрля, представленное им как *общая теория институциональных фактов*, что интересно не только для социальной эпистемологии, но и для социологии и экономики [Searle, 1995: 79]. Особенность концепции состоит в том, что Сёрль рассматривает особый подкласс фактов в контексте проблемы *конструирования социальной реальности*, когда они становятся объективными только в соответствии с реификацией, т.е. принимаемым соглашением между членами общества. Иными словами, некоторые события в обществе приобретают статус объективных фактов не как материальное образование (это грубые, brutальные (brut) факты, как, например, бумага, краска в случае денег), но на основании конвенций, принятых и действующих в этом обществе; они объективны, поскольку институционализированы по договоренности как объективные. Возможны ли факты по соглашению в естественных науках? Например, имеем ли мы право поставить вопрос: модель элементарных частиц – это brutальные факты, институциональные или способ существования реального физического мира? Это еще не исследованная в полной мере проблема, и ответ, по-видимому, не однозначен.

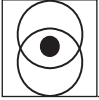
В социально-гуманитарных науках присутствуют два вида фактов – обусловленные материальным миром и институциональные – обусловленные договоренностью членов общества, причем истинность последних, согласно Сёрлю, также определяется по теории корреспонденции. Он вводит понятие невидимой структуры социальной реальности, существенно усложняя и детализируя ее онтологию, напоминая, что она соотносится с «глобальной онтологией». Он считает, что социальная реальность может быть понята только с учетом того, что существуют свойства, присущие объекту, и свойства, объективно зависимые от наблюдателя, – они онтологически субъективны, но «эпистемологически объективны». Выясняется, что в социальной



действительности «функции никогда не являются присущими объекту, но всегда зависят от наблюдателя» [Searle, 1995: 14].

Социальные факты могут различаться по отношению к существующим в обществе институтам: brutальные осуществляются независимо от институтов, созданных человеком и обществом; институциональные факты – прямое следствие их существования и функционирования на основе введения не столько произвольных конвенций, сколько обязательных правил и норм, когда возникает «конвенциональная власть». Сёрль выявляет определенные свойства социальной реальности, значимые для появления фактов того или иного типа. Прежде всего это «самореферентность многих социальных понятий», таких, как деньги, выборы, частная собственность, голосование, браки и даже войны. Во всех случаях люди принимают эти понятия, верят в их обязательность, реальность их смыслов. Другое свойство социальной реальности – возможность использовать перформативные высказывания в создании институциональных фактов, они создают «положение вещей» (например: «суд постановляет...», «объявляется перерыв»). Кроме того, институциональный факт предполагает обязательное конструктивное правило: «X считать как Y в C», соответственно существует «логический приоритет» грубых фактов над институциональными, последние в целом существуют в специально конструируемых отношениях и действиях. Для институциональных фактов особую важность имеет лингвистический компонент, который является частью установления факта и создания «институциональной действительности». Сёрль различает факты, зависимые и независимые от языка; институциональные факты могут существовать, если они представлены в языке и выражаемой им мысли [Searle, 1995: 59–66]. Эта мысль очевидна, вместе с тем роль языка не является вспомогательно-технической, следует учитывать особенности и свойства самого языка, который не только репрезентирует мир, но и упорядочивает его по-своему, осуществляя категоризацию и даже гипостазируя, в частности, его предметность. Один из наиболее ярких примеров – гипостазирование «классов на бумаге» и социальные условия их превращения в реальные структуры общества, разработанные в теории Маркса, как это показал Бурдьё, рассматривая сконструированное «социальное пространство».

Я обратилась как эпистемолог к некоторым базовым вопросам социологической науки: универсальной теории, теориям среднего уровня, парадигме и типологии социальных фактов. Очевидно, что когнитивная реальность современной социологии обладает необозримым богатством философско-методологических и эпистемологических



проблем, и не хватит никакой фантазии и усердия эпистемологов, чтобы не только пытаться их решать, а даже выявить в этом многообразии проблемы современного социально-гуманитарного познания. Но дорогу осилит идущий, хотя и потребуются новые поколения.

Библиографический список

- Бурдые, 1994 – *Бурдые П.* Объективировать объективирующего субъекта // Он же. Начала. М., 1994.
- Гессен, 1933 – *Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. М. : Л., 1933.
- Гофман, 2006 – *Гофман А.Б.* Социология Эмиля Дюркгейма // Э. Дюркгейм. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2006.
- Дюркгейм, 2006 – *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2006.
- Кравченко, 2004 – *Кравченко С.А.* Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. М., 2004.
- Мертон, 2006 – *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- Мирская, 2008 – *Мирская Е.Я.* Этнос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этнос науки. М., 2008.
- Миллс, 2001 – *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М., 2001.
- Мотрошилова, 2012 – *Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М., 2012. Гл. 3 и 4.
- Порус, 1997 – *Порус В.Н.* Спор о научной рациональности // Философия науки. Проблемы анализа знания. М., 1997. Вып. 3.
- Порус, 2012 – *Порус В.Н.* Выбор интерпретации как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI, № 1.
- Ритцер, 2002 – *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. Приложение. СПб., 2002.
- Социология, 2005 – Социология : учебник ; под ред. Д.В. Иванова. М., 2005.
- Штомпка, 2001 – *Штомпка П.* Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. 2001. № 1.
- Эйнштейн, 1967 – *Эйнштейн А.* Рассуждения об основах теоретической физики // Собр. науч. трудов. В 4 т. Т. IV. М., 1967.
- Ядов, 1972 – *Ядов В.А.* Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М., 1972.
- Elkana – *Elkana Y.* Rethinking – Not Unthinking – the Enlightenment. – http://web.ceu.hu/Yehuda_rethinking_enlightenment.pdf
- Merton, 1938 – *Merton R.* Science, Technology and Society in Seventeenth Century England // Osiris ; ed. L. Sarton. Bruges, 1938. Vol. IV.
- Paradigms and revolutions, 1980 – *Paradigms and revolutions Appraisals and applications of T. Kuhn's philosophy of science.* L., 1980.
- Ritzer, 1975 – *Ritzer G.* Sociology: A Multiple Paradigm Science // The American Sociologist. 1975. Vol. 10.
- Searle, 1995 – *Searle J.R.* The Construction of Social Reality. N.Y., 1995.